

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ ЭПОХ И КУЛЬТУР

СЕМАНТИЗАЦИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ФОРМ В ЖИТИИ ЕФРЕМА НОВОТОРЖСКОГО

В.В. Кузнецов

ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей», Торжок

В статье рассматривается список Жития Ефрема Новоторжского середины XVII века. В нем выявлены лексически тождественные орфографические варианты слов, которые противопоставляются посредством использования пар омофоничных графем, стяженных форм под титлом и грамматических формантов. На основе результатов проведенного анализа делается заключение о семиотическом характере этого противопоставления, что приводит к выводу о том, что рассматриваемый список достаточно точно отражает его протограф — Житие Ефрема Новоторжского XVI в.

Ключевые слова: Ефрем Новоторжский, Житие, графико-орфографическая традиция, семантизация, дистрибуция, графема, титло, лигатура, *nomina sacra*

Житие Ефрема Новоторжского было написано архимандритом Новоторжского Борисоглебского монастыря Мисаилом в 1587 г. взамен утраченного древнего «писания», которое было вывезено из Торжка тверским князем Михаилом Александровичем во время разорения им города в 1372 г., а затем сгорело в пожаре тверского Спасо-Преображенского собора [2, с. 82, 160; 4, с. 5–6].

К настоящему времени выявлено несколько редакций Жития, которые в той или иной степени восходят к тексту Мисаила: Краткая, Пространная, Компилятивная (Комбинированная) и Проложная [1, с. 175–205]. Все они в целом одинаково описывают жизнь новоторжского подвижника.

Ефрем и его братья Моисей и Георгий, по национальности венгры, состояли на службе у князя Бориса Владимировича. Когда в 1015 г. Борис был убит по приказу князя Святополка Окаянного, вместе с ним погиб и Георгий: убийцы отсекали ему голову, чтобы снять золотую шейную гривну, подаренную Борисом (шейная гривна — витой или гладкий обруч — была знаком княжеского или боярского достоинства). Моисей избежал смерти, впоследствии попал в

плен в Польшу, там принял монашеский постриг, чтобы пресечь назойливые предложения одной знатной польки стать ее мужем, за что по ее приказу был подвергнут истязаниям и оскoплен. Затем он подвизался в Киево-Печерском монастыре, где закончил свои дни. Ефрем, придя на место гибели Бориса и Георгия, отыскал голову брата, удалился на север Руси и около Торжка основал Борисоглебский монастырь. Здесь в 1053 г. он скончался и был погребен; по его распоряжению вместе с ним в гроб положили голову Георгия, которую он всю жизнь хранил у себя.

В 1572 г. были обрeтены мощи Ефрема, между 1584 и 1587 гг. он был канонизирован [3, с. 335]. Очевидно, что в связи с этим событием архимандрит Мисаил и создал новое Житие. (В 1577 г. он составил канон и службу преподобному, которые, как и Житие, были необходимы для его официальной канонизации [2, с. 83].)

В настоящей статье рассматривается Краткая редакция Жития, которая существует в единственном списке середины XVII в. (датировка по филиграммам — 1646, 1651–1669 гг.), хранящемся в Библиотеке Российской Академии наук — БАН. П. I. А. № 29. Это сборник житий разных почерков, где Житие Ефрема Новоторжского помещено в конце, на листах 361–378. Публикацию текста см.: [5, с. 280–289]. (Приводящиеся в статье фрагменты Жития максимально адаптированы к современному русскому языку: вышедшие из употребления буквы заменены на соответствующие современные и сохраняются только в том случае, если их употребление имеет определенное значение; знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами.)

По всей видимости, эта редакция точнее всех остальных отражает текст архимандрита Мисаила (или вообще является его копией). Такое заключение позволяет сделать наличие в нем только двух сказаний о посмертных чудесах Ефрема. В Пространной и Компилятивной редакциях таких сказаний значительно больше, что свидетельствует об их вторичности по отношению к Краткой редакции. В то же время вопрос о соотношении рукописи и ее протографа в настоящее время является открытым и требует дальнейших исследований. Возможно, приведенные в статье наблюдения позволят приблизиться к его решению.

Под семантизацией орфографических форм понимается придание определенного экстралингвистического значения орфографически вариантным формам, которые могут быть противопоставлены в плане содержания, что указывает на семиотический характер этого противопоставления. В русском языке времени создания Жития имели место схожие явления: орфографическая дифференциация грамматических форм (для различия форм единственного и множественного числа использовались разные графемы с одинаковым фонетическим значением), дифференциация лексических омонимов (*мир* — «покой», *мир* — «вселенная»), семантизация фонетических вариантов (*Марія* — имя святых, *Мáрия* — имя людей) [10, с. 325–339].

В Житии указанное явление связано с использованием омофоничных графем, стяженной формы слова и с противопоставлением церковнославянских и древнерусских грамматических формантов.

1. Омофоничные графемы. Существование в славянской азбуке пар *и* — *i* [i], *о* — *ω* [o] во время второго южнославянского влияния XIV—XVI вв. привело к созданию правил, регламентировавших их употребление. Кроме того уже в старославянской книжной традиции буквы *i*, *ω* использовались в соответствии с правилами греческого языка для точной передачи иноязычных слов и имен в Священном Писании, богослужебных и богословских текстах. Вследствие этого их употребление в исконно русских словах связывало их со сферой священного и придавало им оттенок сакральности.

и* («иже») — *i* («и») в титуле *великий князь

В Житии использование этих графем в целом подчиняется правилу *и* + согласный, *i* + гласный, сложившемуся во время второго южнославянского влияния. Однако в написании княжеского титула это правило нарушается использованием *i* перед согласным.

Вариант с «иже» употребляется по отношению к князю, живому на момент описываемых событий, вариант с «и» — применительно к умершему, в том числе к почитаемому святому, ср.:

великий

«И в то время ехал *великого* князя Ивана Васильевича всеа Русии посланник» (л. 370 об.). «[Вели]кому князю Борису глаголюще ложно, яко отец его *великий* князь Владимир жив есть» (л. 373). «...окаянный Святополк слыша о святем *великом* князе Борисе, яко на пути грядет х Киеву» (л. 373–373 об.). «Егорей, Угрин зовом, любим зело ... *великим* князем Борисом, на негоже святыи Борис возложи гривну злату» (л. 373 об.). «Трие же убо брата их боярин бяху *великого* князя Бориса» (л. 374–374 об.). «Георгии Угрин виде *великого* князя Бориса от святополковых слуг убиеннаго и пад над телом его» (л. 374). Здесь описывается момент убийства Бориса, когда князь уже не живой, но еще и не почитаемый святой.

великий

«Они же, шедше на пути немилостивии, убиша *великого* князя Бориса» (л. 373 об.). «...церков камену красну воздвиже во имя *великих* князей и святых страстотерпец Бориса и Глеба» (л. 374 об.). «...глава и донине брата его Егория, юже убиен бысть над святым *великим* князем Борисом ... лежит же та честная глава Егорьева во гробе...» (л. 375). «Моисей Угрин по убиении *великого* князя Бориса и брата своего Егоргия и по отшествии брата своего Ефрема остася един никем бременем» (л. 375 об.). «...погорела церков святыя Софеи ... иже заложи и соверши благоверный и *великий* князь Ярослав» (л. 361–361 об.).

Ко времени, когда сгорел деревянный храм св. Софии в Новгороде (1045 или 1049), Ярослав Мудрый был жив (ум. 1054). Использование *i* в этом случае ставит этого князя, который не был официально канонизирован, в один ряд со святым Борисом. В церковной традиции эпитет *благоверный* по отношению к

правителю указывает на строгое соблюдение им норм христианской морали. Так же называется лик (чин), в котором канонизируются цари и князья. В Никоновской летописи Ярослав уподобляется равноапостольному князю Владимиру Святому и именуется «благоверным и богохранимым» [6, с. 80–81]. Эта идея развита в Книге Степенной царского родословия, особенно показательное объяснение крестильного имени Ярослава: «Иже Божиим благоволением просвещенного благочестием святого корени многорасленная ветвь князь Ярослав, нареченный во святом крещении Георгий, яко же толкуется сие имя — Божие дело. Во истини убо Божие дело есть сий богоподражательный сын же и наследник равноапостольнаго царя и великого князя Владимирова, от него же вся Русьская земля прият святое крещение» [7, с. 168]. Стоит отметить, что указанные произведения были созданы незадолго до написания Жития: Никоновская летопись — в 1530–1550-е гг., Книга Степенная в 1550–1560-е гг. Таким образом, во время настоятельства Мисаила (1552–1588) и составления им Жития Ярослав Мудрый почитался в придворных и церковно-книжных кругах как благоверный князь — благочестивый предок Ивана Грозного. Это почитание приобретало черты государственного культа, что отразилось в памятниках официального летописания, каковыми являются Никоновская летопись и Степенная книга. (То же самое в то время происходило с культом Бориса и Глеба, которые почитались как святые-воины — предки царя.)

о («он») — ѿ («омега») в слове образ

Использование «омеги» в рукописи соответствует правилу, которое, по всей видимости, впервые было сформулировано в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого 1619 г. (повторено в редакции 1648 г.) [9, л. 52 об.–53]. Оно предписывало использовать эту букву в приставках и предлогах *о*, *об*, ср. в рукописи: «*о*священный собор» (л. 370); «*ѿ* преподобном же Ефреме реченное сице» (л. 361 об.).

В слове *образ* этимологическая приставка *об-* (из прасл. **ob-gazь*, связанного чередованием с **řezati*) утратила свое значение уже ко времени создания первых старославянских текстов, и в древнерусском языке это слово, как правило, писалось с «оном» [8, с. 484–485; 11, с. 106].

Ассоциация формы с «омегой» со сферой церковного, сакрального наложила отпечаток на дистрибуцию орфографических вариантов слова *образ*: они противопоставляются как книжная и некнижная, более священная и менее священная.

Форма *ѿобраз* употребляется по отношению к Моисею Угрину — канонизированному и издревле повсеместно почитаемому: «Он же, призрев временное, но на едино взирающе на вечное воздаяние, вельми любя чистоту телесную, и тако от некоего мниха тайно постригается во иноческий *ѿобраз*» (л. 376–376 об.) «Увидев та окаянная жена от Моисея, яко пострижесе во иноческий *ѿобраз* ...» (л. 377).

Форма *образ* используется в связи с Ефремом Новоторжским, чье народное почитание ко времени написания Жития не было литургически оформлено

и санкционировано церковными иерархами: «...написан на церковной стене на стенном письме *образ* его, чудотворца Ефрема...» (л. 366 об.); «...церков камени красну воздвиже во имя великих князей и святых страстотерпец Бориса и Глеба, и обитель согради, и ту сам пострижесе во иноческий *образ*...» (л. 374 об.).

В последнем случае знак ударения стоит на втором слоге (*обра́з* л. 374 об.) что, вероятнее всего, отражает разговорное произношение. В свете изложенного передача разговорной формы не книжным, менее священным вариантом с «оном» вполне закономерна.

2. Стяженная форма слова получается вследствие пропуска одной или нескольких букв, в этом случае над словом ставится знак титла, его функцию также может выполнять одна из пропущенных букв, вынесенных над строкой (буквенное титло). Изначально стяженные формы применялись при написании священных слов (*nomina sacra*), и функция стяжения состояла в том, чтобы защитить сакральные понятия от нецерковного, суетного использования. Впоследствии под титлом стали писаться слова наиболее употребительные в церковно-книжном обиходе.

глава — глѡа

Обе формы употребляются в упоминаниях головы Георгия. Стяженная форма соотносится с описаниями событий глубокой древности и выражает сокрытые во времени сведения о связи Ефрема с Георгием. Нестяженная форма соотносится со временем автора Жития: она раскрывает то, что скрыто под титлом, указывая на голову Георгия как на доказательство правдивости древних преданий о Ефреме и его братьях, ср.:

глѡа

Рассказ об убийстве Георгия и о приходе Ефрема с его головой в Торжок: «они же убиша его Егория Угрина и *глѡу* ему отсекоша... Брат же его Ефрем, видев сие, поим *глѡу* брата своего Егория и иде в Ноугородцкую область во град Торжок» (л. 374–374 об.).

глава

Сообщение о наличии в раке Ефрема головы Георгия: «...честная же *глава* и доныне брата его Егория, юже убиен бысть над святым великим князем Борисом... лежит же та честная *глава* Егорьева во гробе...» (л. 375).

Автор Жития Мисаил видел вторую голову в раке Ефрема Новоторжского, поскольку в его настоятельство (1552–1588) состоялось обретение мощей преподобного (1572). Именно этот факт стал для него главным доказательством связи Ефрема со издревле почитаемыми святыми Борисом и Георгием, из чего вытекала необходимость его равного с ними церковного чествования. В этой связи показательно, что нестяженная (раскрытая) форма употребляется с атрибутом *честная*, т.е. почитаемая.

Описанную закономерность как будто нарушает использование стяженной формы в следующем фрагменте текста: «...ныне глаголю, яко и брата своего Георгия *глѡу* (1) взя в свои руке; писания о сем не обретохом, но видимо

всеми в раце преподобнаго Ефрема есть вторая *гѣва* (2) и до сего дни, и мы веру имеем, яко та есть *гѣва* (3) святаго Георгия, брата Ефремля» (л. 368).

В первом случае стяженная форма используется в описании событий прошлого — гибели Бориса и Георгия и обретения Ефремом головы своего брата. Во втором и третьем случаях упоминание головы в раке Ефрема соотносится со временем автора Жития.

Это нарушение объясняется тем, что приведенный отрывок является авторским продолжением рассказа инока новгородского Юрьева монастыря Иоасафа о трех братьях-венграх, служивших князю Борису. Посредством использования стяженной формы автор Жития уподобляет свое сообщение о голове Георгия в раке Ефрема рассказу Иоасафа о событиях далекого прошлого, связывая тем самым их с настоящим и показывая, как и вследствие чего в гробнице Ефрема появилась вторая голова, ср: «...поведа ми о преподобнем Ефреме некоторый старец, священный инок Иосаф Юрьева монастыря: “Слышахом бо есмя о преподобнем чудотворце Ефреме, что еще бе в мире прежде убиения святых страсотерпец Бориса и Глеба (отсылка к прошлому. — *В.К.*), жилище его бе в дому их, чин же конюшества имей. У него же быста два брата: первыи брат — Георгий, на негоже святыи Борис возложи гривну злату, за неяже и убиен бысть со святым Борисом; вторыи же брат его — Моисей, той же и убийства злаго избежа, последи же пленен бысть в Ляцкой земле и мучен бысть от ляцкие некия жены целомудрия ради. Сия же вси братия служаху святому Борису, родом же угреня. Святыи же Ефрем такоже злаго того убивьства избежа и пострижесе”. И ныне глаголю, яко и брата своего Георгия главу взя во свои руке. Писания о сем не обретохом, но видимо всеми (указание на настоящее. — *В.К.*) — в раце преподобнаго Ефрема есть вторая глава и до сего дни, и мы веру имеем, яко та есть глава святаго Георгия, брата Ефремля» (л. 367–368).

милость — млѣть

Стяженная форма с буквенным титлом встречается в рассказе об общегородском молебне, устроенном в Торжке во время сильной засухи. Здесь она выражает сакральное понятие — милость как проявление воли Бога: «...со всего града священницы и иноцы, и вси людие приидоша ко преподобному Ефрему, и молебная совершившу, и литоргию певшу, и со слезами молящесе, и припадающе к раце преподобнаго, просяще *млѣти*», да Бог даровал дождя на землю» (л. 369 об.–370). Форма без титла — нейтральна, она используется в описании избиения монахов Борисоглебского монастыря царским слугой: «Он же, пришед в монастырь, начат архимарита бити без *милости*» (л. 371).

Вместе с тем в аналогичном примере при описании истязаний Моисея знатной полькой используется форма под титлом: «Увидев та окаянная жена от Моисея, яко пострижесе во иноческий образ и възьярися зело на Моисея, уже лишена бысть надежи своя. И много мучив без *млѣти*, напоследок же повеле ему обрезать тайныя уды, и едва жива оставиша его» (л. 377–377 об.).

В этом случае употребление стяженной формы мотивировано тем, что истязания Моисея расценивались как венец мученичества, который он принял за

сохранение монашеского целомудрия, за что и был причислен к лику святых. Следовательно, стяженная форма также обозначает проявление Божьей воли.

3. Семантическая дифференциация церковнославянских и древнерусских грамматических форм связана с противопоставлением окончаний родительного падежа полных прилагательных мужского и среднего родов *-аго*, *-ого*. Формант *-аго* имеет две графические разновидности — обычную полууставную и лигатурную: *аг* пишется слитно, *г* как продолжение правого элемента *а*.

Изначально формы на *-аго*, церковнославянские по своему происхождению, противопоставлялись древнерусским формам на *-ого* как показатели книжного и разговорного языков. Впоследствии, когда в разговорном языке возобладали формы на *-ово*, *-ова*, формы на *-ого* по отношению к церковнославянским на *-аго* могли восприниматься как книжные или нейтральные [10, с. 265].

В рукописи наблюдается следующая дистрибуция *-аго*, *-ого*:

- аго* с лигатурным *аг* (26): *преподобнаго Ефрема* 361, 361 об., 365, 365 об., 366 (3) и т. д.; *новоторжскаго* (чудотворца Ефрема) 361, 369; *Всемилоствиваго Спаса* 364; *Суцаго Бога* 364 об., *божественнаго писания* 368 об.; *книжнаго писания* 364 об.; *убиеннаго* (Бориса) 374; *от князя Михайла Тверскаго* 362; *злаго убивства избежа* (Ефрем) 368; *сквернаго смущения* (не восхотел Моисей) 376.
- с полууставным *аг* (4): *преподобнаго Ефрема* 361; *книжнаго писания* 366; *убиштва злаго избежа* (Моисей) 367 об.; *ото многого оскудения в монастыре* 364 об.
- ого* (7): *великого князя Бориса* 373 об. (2), 374 (2), 375 об.; *великого князя Ивана Васильевича* 370 об.; *архиепископу Великому Новгорода* 368 об.

Очевидно, что *-аго* в абсолютном большинстве случаев используется в атрибутах слов связанных с понятием священного: в эпитетах Бога (*Всемилоствиваго*, *Суцаго*), при упоминаниях святых и места особой святости (Моисей, Ефрем, Борис; монастырь), а также как обобщенное название церковной книжности (*книжнаго писания*, *священнаго писания*). Безусловное преобладание в графическом оформлении этих слов лигатуры *аг* позволяет предположить, что в этом случае она имеет значение, близкое к значению титула в священных словах.

Все случаи использования *-ого* приходятся на атрибуты имен с не книжной, «мирской» коннотацией, почти все они встречаются в описании убиения Бориса, когда он упоминается не как святой, а как светский правитель.

Противопоставление *-аго* / *-ого* как показателей священного, церковного и светского, «мирского» отчетливо проявляется, когда Борис упоминается как князь и как святой страстотерпец: «Георгии Угрин виде великого князя Бориса от святополковых слуг убиеннаго...» (л. 374).

Окончание *-ого* в эпитете-атрибуте Великого Новгорода, по-видимому, мотивировано его лексической тождественностью с титулами Бориса и Ивана

Грозного, а также пониманием того, что город в целом явление мирское, а не церковное.

Описанную закономерность нарушает форма *Тверскаго*, которая в Житии появляется в контексте разорения Торжка «от князя Михайла Тверскаго». В силу того что рассказ об этом событии является частью компилятивного текста летописного характера, использовавшегося автором, указанная форма не является репрезентативной для языка житийного повествования. Кроме того, весьма вероятно, что на написание этого слова с *-аго* повлияло его употребление в богослужебных текстах, связанных с почитанием князя Михаила Ярославича Тверского, канонизированного в лике благоверных в 1549 г.

Особый интерес представляют дублетные формы с лигатурным и полууставным *-аго* в словах *злаго*, *книжнаго*.

Первое слово встречается в почти тождественных по содержанию и грамматической структуре сообщениях о том, что Ефрем и Моисей не погибли вместе с Борисом и Георгием:

Лигатурное *-аг*

«Ефрем такоже *злаго* того убивствса избежа» (л. 368).

Полууставное *-аг*

«Моисей той же и убиства *злаго* избежа» (л. 367 об.)

По всей видимости, использование лигатуры и полуустава имеет значение, близкое к тому, что было описано выше в случае с вариантами *глава* — *гльва*. Форма с лигатурным *-аго* применительно к Ефрему отражает полное отсутствие или скрытость сведений о том, как он избежал убийства во время гибели Бориса и Георгия. Подробности того, как спасся Моисей, также не были известны, однако его судьба достаточно хорошо описана в Киево-Печерском патерике, на который ссылается автор Жития: «о нем же писано в Пятерике Печерском» (л. 378). Поиск подобных сведений о Ефреме архимандрит Мисаил предпринимал в ходе подготовки к написанию Жития: «По сих же начат искати и вопрошати христоролюбивых людей и инок о преподобнем отце и о чудесех его, хто где о преподобнем писание видех или слышах» (л. 367). Собственно, прояснению судьбы преподобного посвящено всё Житие.

Дублетные формы *книжнаго* имеют иное объяснение. Они встречаются в упоминании неграмотности монахов Борисоглебского монастыря: форма с лигатурным *-аго* используется в словах автора, а с полууставным — в цитате речи иноков, ср:

Лигатурное *-аг*

«тогда в монастыре том ото многого оскудения не много бяше братии, но и те не умеюще *книжнаго* писания, и о сем не радиша» (л. 364 об.)

Полууставное *-аг*

«...они же ми отвещаща, како убо нам писати чудеса преподобнаго, а мы *книжнаго* писания не разумехом...» (л. 366)

Если лигатурное оформление указанного слова было более книжным, церковным, близким к сфере сакрального, то его использование в контексте

упоминания неграмотности монастырской братии подчеркивает их нерадивость в деле приобщения к церковной книжности и намекает на несоответствие иноческому сану. Это придает всему высказыванию экспрессивный и эмоциональный характер, внося в него элемент личностной негативной оценки. В этом отношении полууставное написание нейтрально и поэтому более подходит для передачи автором речи иноков.

В связи со всеми наблюдениями, изложенными в статье, возникает вопрос: являются ли описанные явления результатом авторского творчества или они были характерны для русской орфографической традиции в целом?

В настоящее время однозначно ответить на этот вопрос вряд ли возможно, поскольку для этого необходимо масштабное изучение документов времени создания Жития и рукописи (конец XVI — середина XVII в.). Возможно, приблизиться к решению этой задачи позволит обращение к Пространной редакции Жития, самый ранний список которой датируется концом XVII в. — РГБ. Ф. 228. № 115. В нем (как и в прочих списках) представлена довольно упорядоченная графико-орфографическая система, которая сложилась в середине — второй половине XVII в. Рассматриваемая рукопись была создана в то же время, однако палеографические и графико-орфографические особенности, описанные в статье, характерны для рукописных памятников второй половины XVI — начала XVII в. В то время русские книжники пытались адаптировать наследие второго южнославянского влияния, стремясь кодифицировать употребление букв, строчных и надстрочных знаков. Это привело к созданию различных орфографических школ и отразилось в разнообразных сочинениях грамматического характера [12]. Поэтому, отвечая на поставленный вопрос, можно предварительно заключить, что описанные явления следует рассматривать как результат авторской интерпретации традиции некой локальной орфографической школы. Это, в свою очередь, позволяет допустить, что рукопись Жития середины XVII в. достаточно точно отражает протограф — текст, созданный архимандритом Мисаилом в 1587 г. Подтверждением этому может служить семантическое противопоставление орфографических вариантов слов *образ* и *глава*, которое было оправдано и актуально только в контексте подготовки канонизации Ефрема Новоторжского, а не во время создания рукописи.

Список литературы

1. *Галашева Т.Н.* К истории текста Жития Ефрема Новоторжского // ТОДРЛ. Т. 67. СПб., 2020. С. 175–205.
2. *Илиодор, иеромон.* Историческо-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря, Тверь: тип. Губ. правл., 1861. 182 с.
3. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: тип. Грачева и К°, 1871. 465 с.
4. *Колосов В.И.* К истории жития преп. Ефрема Новоторжского и к вопросу об его составителе // Журнал 110-го заседания ТУАК 14 июля 1911 г. Тверь: тип.-лит. Н.М. Родионова, 1913. 27 с.

5. *Малыгин П.Д., Кузнецов В.В.* Житие св. прп. Ефрема Новоторжского — исторический и литературный источник // «Государева дорога» и ее дворцы: материалы межрегион. науч. конф. 19–21 ноября 2002 г. Тверь: Сиверс, 2003. С. 280–289.
6. Полное собрание русских летописей Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1906. 349 с.
8. Словарь старославянского языка: в 4 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. Т. 2. 468 с.
9. [*Смотрицкий Мелетий*]. Грамматика славенская. М.: [б. и.], 1648. 388 л.
10. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Terra–Азбука, 1996. Т. 3. 832 с.
12. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Иссл. по рус. яз. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1885–1895. Т. 1. С. 289–1097.

Об авторе

Кузнецов Виктор Владимирович — кандидат филологических наук, научный сотрудник ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей», Торжок; e-mail: tiveriada@yandex.ru